

Суп с котом

Грусть по миру обширно розлита, богатыми красками играет...

СВАРИЛ я суп, стал его есть. Чувствую – вкусный получился. Вот ем я его, ем... пять дней ел, включая выходные, а радости никакой.

Стал я думать: как так – суп вкусный, а не радуется? То есть гурманскую часть меня он, безусловно, радовал, а все остальные части почему-то грустили.

Стал я дальше анализировать, всякие другие поедания супа вспоминать, сопоставлять. И понял простую вещь: угостить некого было, вот и грустно. Так бы налил кому, себе бы тоже, стали бы хлебать, а я бы вполглаза присматривался – с удовольствием ли, мол, наворачивает. Потом через полминутки-минутку, как бы между делом, спросил бы: мол, ну как? А тот бы головой покачал размашисто да причмокнул – вот тебе и полное почти счастье! И сам знаю, что хорошо, и со стороны подтверждают! А так... не суп, а тоска сплошная.

Или вот в кафе сидим. А у стены клавишин современный стоит, и парень чего-то там на клавишах грустит. И песни вроде веселые играет, а сам грустный. Потом скрипку взял, чего-то боевое заголосил – и снова грустный. Ну подозвали мы его, разговорились. Он говорит, мол, все хорошо, там, сям был, на германских улицах играл, не один зал обошел – все любят. А в самом конце разговора возьми да и признайся: мол, ничего его коллеги консерваторские не понимают, думают, легко это – по кабакам играть. А раз, мол, легко, чего же не играют? Одного, говорит, попросил подменить на пару дней – не выдержал, схлинул. То-то, мол. И опять пошел к стеночке ноты веселые грустно вышибать – о коллегах размышлять, видимо.

А другой устал от того, что его полулысину на ветру шибко треплет: все, что сверху, тонким дыбом встает, все, что по бокам, наверх беспорядочно стремится. Решил: хорошо кудри беречь, пора и честь знать – налысо стричься пора. Пришел в парикмахерскую, сел в кресло. Его укутали, как положено, и спрашивают, как стричь. А он смотрел-смотрел на себя

в зеркало, головой покачал с сожалением да и отвечает: «Нет, не готов». Встал и ушел в расстройстве. Парикмахерша не сразу осознала связь между вопросом и ответом. Это ж надо было в самую сердцевину грусти его смотреть: был кудряв да молод, а теперь надо смириться, заматереть и обриться. Вот тебе и не готов. Грустно с молодостью-то расставаться. Он потом при-

Бегать надо, дела делать, с друзьями встречаться – тогда и тоску некогда разглядывать будет

шел домой и так зеркалу и сказал: «Смотрю на себя, и жаль мне...»

Да и вообще, сами же знаете, грусть по миру обширно розлита, богатыми красками играет.

Вот если б вы долго в одном тут

дворе просидели наблюдательно, то пронюхали бы такую картину. Вот выскакивает какой-то деловой парень из подъезда и вроде бы уже дальше по маршруту кинулся бежать, и ногами уже размеренно засучил, но вдруг... как прилип. А на лавочке у подъезда лежит маленький такой котенок, лежит, огромное пузо выкатив, – видать, только что накормил кто-то. Лежит и спит, лапку между брусьев уронив. Вот и встал наш бизнесмен перед ним и смотрит. И то умиленье сдержанное по нему растекается, то деловитость опять наскакивает: то на часы посмотрит, то на котенка, то на небо, то на окно обернется, еще раз на окно, еще раз; то глаза прищурит, то губы подожмет – опять на котенка; то глаза оба закроет, то один приоткроет, в сторону шуряет; опять на часы, с последующим досадливым подниманием головы и задерживанием дыхания. Вот вроде уже и сжался решительно, и наклониться стал, да опять на часы глянул, с тихим рычанием в небо глаза закрыл и – зашагал решительно прочь. Метров десять прошел, стал замедляться, замедляться, остановился. Голову низко опустил, простоял с минутку, кистью слегка шевельнул, как венником, вздохнул окончательно и рванул, скрылся за поворотом.

Э-хе-хе...

А часа через три (я же говорил, надо было долго наблюдать) выскакивает он из-за поворота и чуть не бегом к лавочке. Подскочил – нету. Стал по сторонам глазами шарить, шею вытягивать, приседать, в траву

вглядываться... Долго не сдавался, кис-кисал скромным шепотом. Выдержит паузу, пока какой-нибудь прохожий пройдет, и опять мечется потихоньку: кис да кис. Потом сдулся как-то резко, посмотрел куда-то вдаль и побрел домой, грустный, конечно. Долго еще потом все из окна выглядывал, носом к стеклу прижимаясь во все стороны, как папан какой.

А то вот еще жених у загса перекуривал по-быстрому, видно, на секунду высочил. Дергал-дергал сигарету в ритме марша да вдруг так и замер, до рта ее не донеся. И смотрит, опять же, далеко куда-то. А в том далеке, на другой стороне улицы, девочка стоит и не шевелится, сюда смотрит, только платье на ветру чуть колыхнется. Этот с полуоткрытым ртом в «замри» играет, и та. Если б вокруг все не двигались, не разговаривали шумно, дела свои не обделывали, можно было бы подумывать, что паузу кто включил или что Гоголь со своей немой сценой прибыл. Сигарета до фильтра догорела, он на нее рывком глянул, отпустил, упала. А сам все всматривается, как дозорный на границе. Тут из загса высунулись, увлекли его. Так он и увлекся, взгляд не расфокусировав с дальней дистанции.

А вот мама маленькой девочке соловый в руку вставляет и наставляет: «Скажи, как мы учили». Та сходу выпаливает: «Папа, не приходи, ты нам не нужен, потому что у тебя денег нет! Залабатывать надо!» Мама телефон забирает и чего-то еще вслед договаривает. А когда прячет трубку, дочка ей говорит: «Мам, а мне деньги не нужны... Можно, я возьму папу без денег?» «Нет! И только вздумай мне плакать!» И девочка крепится, сильно крепится, но недолго.

Да... жизнь – дело тоскливое, если задуматься. Но способ есть! Задумываться не надо! Бегать надо, дела делать, с друзьями встречаться – тогда и тоску некогда разглядывать будет. А то разглядывают тут всякие!

Геннадий АМИНОВ.

Грех на душу

ОТКРОВЕНИЯ

В маршрутку села старушка – у нее не было времени ждать, пока подойдет обычный автобус. Заплатила и принялась громко жаловаться:

– Я ветеран труда, пенсия маленькая, а денег мне за проезд не доплачивают, как другим пенсионерам.

– Но ведь у ветеранов труда в городском транспорте и так проезд бесплатный, – заметила другая, тоже пожилая пассажирка.

– Ну и что! Зато простым пенсионерам каждый месяц по 200 рублей полагаются. Они их куда хотят, туда и тратят. А лучше всех инвалидам: у них вообще такие прибавки к пенсии! Только за что, не знаю.

– Но ведь инвалиды... Больные люди...

– Куда там больные! Бывает, инвалид два сада держит да еще на жаре стоит, торгует. За что ему доплачивать? Я вот тоже болею, а мне никто ничего не платит.

– Но ведь им жить как-то надо, вот и подрабатывают. Сады многие не от хорошей жизни держат. Вот вы, наверное, тоже куда-то по делам спешите?

– Я в церковь еду, сегодня большой праздник. В церковь-то грех не ходить...

Евгения ШЕВЧЕНКО.

Взрослый взгляд пятилетних

Хотите получить объективную оценку себя и своей жизни – спросите ребенка

Чтобы понять смысл жизни, не ищите независимого эксперта. Наоборот, спросите у самого заинтересованного, необъективного, бесхитростного и малоопытного человека – у своего ребенка: ему жить в мире, выстроенном взрослыми. Он ответит, как чувствует, а его чувство и есть самая объективная оценка. Сегодня наши пятилетние эксперты рассуждают о папах. Вас удивит их взрослый взгляд.

Вика Литвинова о папе-программисте:

«Я не знаю, на какой это остановке – не успела прочитать, но там ворота, трубы и дым. Папа мне не рассказывает, но я знаю, что он на комбинате почти как директор: он приказывает. Наверное, он добрый с рабочими: он с работы приходит в хорошем настроении. Папа каждый день читает, умеет водить машину и считать деньги».

Полина Игоревна Шапарева:

«У меня нет папы, он умер. Мама работает в комбинате, бумаги пишет, иногда их домой берет. Я не понимаю, что она пишет, она это печатает в компьютере, ставит печать. Ей дают деньги, что она хорошо работает, – сто рублей. Это много: можно купить батут, налить воду и прыгать».

На работу ей нельзя опаздывать, надо торопиться: быстро одеться и поехать на такси желтой – на маршрутке. На работе тоже все надо делать быстро. А если все сделано, можно попить чай – и опять работать. А после работы надо тоже быстро домой, чтобы ко мне не опоздать и мне что-нибудь купить.

А папа тоже ходил на работу...»

Ира Костина о папе – директоре фотостудии:

«Папа – рабочий: он фотографирует. Он целый день на работе, устает. Когда фотографируешься, говорит: надо смирно сидеть, не моргать. Шуметь тоже нельзя, а то не получится фотография».

Кирилл Гайнутдинов о папе-риэлтере:

«Он продает квартиры. Сначала одевается в шлем и комбинезон, потом строит большие дома инструментами, а ему помогают: кто-нибудь носит кирпич, цемент возит. Еще он компьютером занимается и очень устает, когда долго строит».

Никита Муравьев о папе-переводчике:

«Он помогает нашей хоккейной команде и Кири-

гу: переводит слова и бумаги. Он знает английский и еще немецкий – ну там, пару слов. Если мы выигрываем 3:0, он радуется, а если выигрываем 4:3, то сердится, потому что мы три гола пропустили. А в тот раз гол был, а те зашлюбили: сказали, не было – вроде, за сеткой».

Влад Вдовин о папе-топ-менеджере:

«Папа командует на строительстве – смотрит все по компьютеру и подсказывает рабочим, как строить. Сначала копаешь яму и делаешь с ней хорошую дорожку, чтобы было не грязно. Потом в конце дорожки строишь дом, делаешь крыльцо и крышу, потом красишь. Если надо дополнительное окно – прорубаешь квадрат долбилкой и вставляешь в него зеркало. Трудная работа, я бы на ней работал».

Эля Багаутдинова о папе – директоре торговой сети, специализирующейся на товарах для семьи:

«Он много работает на компьютере, пишет всякие документы. У него на работе даже кухня есть, он там пьет всякий чай. А в тумбочке игрушка – говорящая рыба. На магазине написано «Сеть», я прочитала. В нем продают сладкое, игрушки и вино. У папы магазинов много, он иногда смотрит, чтобы ничего не пропало. Потому что в газете писали, что папин магазин ограбили. Его работники там все делали-делали, а воры ограбили».

Регина Сафина о папе-электрике:

«Папа утром берет с собой еду, отвертку, документы и специальные варежки и идет на комбинат. У него черный пиджак, справа написано «ММК». Если провод порвется, он починит. И надо так чинить, чтобы ток не ука... не треснуло».

Ева Санникова о папе – менеджере по рекламе:

«Я не знаю точно, как папа работает, он не рассказывает – устает. Сегодня спрошу у него и запишу. Знаю только, что он занимается продукцией – это продукты. На работу он ходит в черном пиджаке и черных ботинках – в «мурских» туф-

лях, а рубаша белая и галстук. Это не потому что положено, а просто он так хочет одеваться.

Я его уже три раза просила, чтобы он меня свозил на работу. Он говорит: «Когда-нибудь». Наверное, у него свой кабинет, но там нет места детям. Он очень хороший работник, его даже ни разу не увольняли».

Семен Владимирович Сложеникин о папе – директоре магазина бытовой техники:

«На папиной работе надо уметь читать, писать, документы заполнять, расписываться. И думать. С товаром бывает тяжело, если он бракованный. Папа «газельками» его покупает, просит «газелистов» привезти – микроволновки, холодильники, «пальсо-сы», телефоны, посуду. Потом всякие листочки пишет и деньгами рассчитывается. У него «газелисты» никогда не пьют – он их по объявлению по телевизору ищет. И компьютерщики также».

На работе бывает трудно с друзьями. В тот раз мама обиделась: ее подружка попросила отпуск на два месяца, а папа дал на один, и она уволилась. Я думаю, мама с папой оба правы.

Я бы на папиной работе работал. А так – мне всех пап работа нравится».

Записала Алла КАНЬШИНА.